

Сергей Протасов

СТРАШНЫЙ ЧЕЛОВЕК

[СЛЕДОВАТЕЛЬ ТОКАРЕВ]

История первая

Сергей Протасов

**Страшный человек. Следователь
Токарев. История первая**

«Издательские решения»

Протасов С.

Страшный человек. Следователь Токарев. История первая /
С. Протасов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900946-3

Настоящий классический детектив, где есть все: запутанный сюжет, драматические взаимоотношения героев, психологизм и нерв повествования, когда не отпускает предвкушение разворачивающегося действия. Читатель погружается в события, видит их, размышляет и сопереживает. Мог ли знать Александр Титов, поссорившийся с женой, что рядовая ссора станет началом его будущих падений и взлетов? Следователь Токарев распутает клубок хитросплетений, сотканных самой жизнью и... чьим-то страшным, дерзким замыслом.

ISBN 978-5-44-900946-3

© Протасов С.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Страшный человек Следователь Токарев. История первая

Сергей Протасов

© Сергей Протасов, 2017

ISBN 978-5-4490-0946-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Александр Титов

1

В этот раз, в отличие от многих других подобных случаев, для ссоры была причина. Титов сообщил супруге, что Евгений Безроднов возвращается из небытия, из Москвы, и в конце апреля – начале мая, в какие-то выходные, намечено собрание акционеров, на котором Безроднов должен сообщить нечто крайне важное. Александр уверен, что речь пойдет о возвращении Евгения в бизнес, к прямому управлению, и ожидает предложений по кадровым перестановкам. Сам он ничего хорошего от этой встречи не ждет, полагая, что кадровые перестановки снизят его позицию.

Жена резко высказалась по поводу результатов пребывания Безроднова в Госдуме и неудачной попытки избраться на второй срок. Он не согласился, заспорил. Она припомнила ему кое-что, не относящееся к этому вопросу. Он в ответ ей напомнил кое о чем из ее прошлого. Квартира формально принадлежит ему, и она, покидав первое попавшееся в сумку, вызвала такси и бросилась вон из дома. Он, поразмыслив, бросился за ней, но не догнал. Потом он звонил-звонил Варе на сотовый, но она сбрасывала. На эсэмэски не отвечала. «Вайбер», «Вотсап» и «Скайп» – без ответа. Через час очнулся городской телефон.

– Александр Михайлович, чтоб вы знали, Варвара пока поживет у нас, – холодно и официально сообщила теща. – Знаете? Если бы мне муж сказал такое, я не знаю, что бы я сделала! Вы должны это знать!

«Знание – сила», – ядовито, но про себя ответил он.

Титов обвел взглядом затихшую квартиру. Покинутые открытыми шкафы, голые, как древние кости, вешалки на кровати – все напоминало последствия ограбления или обыска. Тошно. Опустевшее пространство вокруг превратилось в пустоту внутри, в душу медленно вползала тоска. Саша спустился на улицу и побрел куда глаза глядят, желая проветриться и собраться с мыслями. День смеха заканчивался совсем не смешно.

Быстро стемнело, на улицах заметно убавилось людей, ветер выбивал из глаз раздражающие, неуместные слезы. Жалкий и замерзший, Титов зашел в случайный магазин погреться. В короткой очереди за ним пристроился высокий коренастый мужчина с хлебом в тележке. Фигура мужчины, крупная, но сухая, привлекла на мгновение его внимание. Особенно выделялись большие руки и глубокий длинный шрам на правой стороне лица.

– Разрешите задать вам вопрос, – вежливо обратился мужчина к Титову. Титов, вырванный из горестных мыслей о разводе, рассеянно обернулся и наткнулся на внимательный взгляд. – Я, собственно, только хотел поинтересоваться: как вы полагаете, гуманизм – это лозунг или же все-таки руководство к действию?

Незнакомец рассматривал большую бутылку коньяка в тележке Титова.

– В каком смысле? – не понял Александр.

– В широком, разумеется.

– Если в широком, то руководство.

– Bravo! Вот и я так думаю, – с облегчением выдохнул здоровяк. – Человек человеку – он кто? А сострадание? Предположим, некоему человеку хочется выпить в хорошей компании умного и гуманного другого человека, поговорить о высоком, а денег у него сейчас нет, но у другого есть. Так неужели гуманный человек откажется разделить свою трапезу со случайным попутчиком? Встречаются же случайно мужчины и женщины, создавая нерушимые

брачные союзы на всю жизнь? Да, постоянно! А вдруг это судьба, и мы необходимы сейчас друг другу на данном отрезке времени. Я здесь живу недалеко, и у меня есть чистые стаканы. Должны быть. Меня зовут Михаил. Прошу не отказать!

– Кто вам оставил шрам?

– Война.

Одноразовые стаканы Титов купил сразу.

Они пошли, словно одни во всей вселенной, вниз, как в бездну, в крошечную темноту пролетарского жилого массива. То рядом, то гуськом, в зависимости от ширины тротуара, задерживаясь на освещенных участках траектории, чтобы по чуть-чуть выпить и согреться. «Согласен, земная жизнь человека – это движение от рождения к смерти, – отстраненно размышлял Александр, глядя на широкую черную спину своего проводника. – И та дорожка, что невидимо бежит сейчас под ноги – участок этого извилистого пути, значит, спешить и торопиться к финишу не нужно. А он отмахивает, будто сквозь темноту видит бессмертие». Новый знакомый тем временем объяснял шрам на лице. Нитью рассказа он незаметно оплел Титова, запутал и вел в неизвестность.

– Сразу после срочной я завербовался на войну. Отслужил срочную мотострелком, демобилизовался сержантом, командиром отделения, между прочим. Хорошо стрелял и отучился на снайпера. Я вообще хорошо стреляю, мне все равно – ПМ, АКМ, СВД, ОБСЕ или ПАСЕ на колбасе. Пришел в эполетах со срочной домой, в село, а там ни работы, ни зарплаты. В армии я был человеком при деле... Запустение и помойка, колхоз закрыли, технику растащили. Упадок. Отдыхаю после службы и чувствую: перспективы-то нет. В плане профессионального роста – задница, в плане личностного роста – аналогично. Ну, куда деваться без перспективы? Ты тут еще? Не отставай! В Москву ехать в девяностые без денег и связей казалось несвоевременным. Отдохнул пару месяцев, задумался, а в конце девяносто четвертого в Чечне началось. Я обрадовался, конечно, – и в военкомат. Там говорят: добро пожаловать на контракт, командир. Будет тебе и жалование, и форма, и все что хочешь. Через неделю я уже во Владике...

«Зачем я иду за ним? – обнаруживал проблески здравого смысла Титов. – Странный человек. Воевал, убивал, наверное. Такой зарежет и не поморщится, да и не вспомнит потом. Наверняка какая-нибудь контузия у него. Не надо бы к нему ходить».

– А шрам – это от камня, – продолжал отвечать на короткий вопрос Михаил. – Пуля попала в камень, кусок отлетел и полоснул. Врачи думали, глазу капец, но обошлось. Это потом, а сразу я и не почувствовал ничего, только кровью заливался, ребята кое-как повязку наложили, водки дали, и все. Если б не эта водка, я умом бы тронулся там, а может быть, и тронулся малость. Первый мой бой был. Трупы-трупы-трупы, беготня, автоматные очереди со всех сторон. Наши ребята, ОМОН, чехи. Вывернутые красным наружу, выкрученные и выпотрошенные, в пыли, с открытыми живыми глазами. Женщины, старики дети...

«Жуть какая! – слушал рассказчика Титов, дрожа то ли от холода, то ли от страха. – Врет, наверное, все. Фильмов посмотрелся и заливает. Странно, что меня тянет к нему, приковывает что-то. Словно это мое второе, темное я, отделившееся от меня на время для неизвестной мне, но фатальной цели».

– Мы в тот день атаковали Айрак с разных сторон, а чехи местными прикрывались, выставили баб и детей перед собой, обычное для них дело. В дома их заходишь – везде шприцы, грязь, литература не по-русски. Полсела погибло. Потом мы поносили их в ров, облили керосином из наливника и зажгли. Не оставлять же без погребения на пекле. Там девчонка была, лет десяти-одиннадцати, черные глаза, огромные. Смотрит в небо, словно встанет сейчас и пойдет. Запомнил ее, часто во сне видел, но живую, а живой-то я ее не видел никогда. Они, знаешь, когда горят, словно оживают и...

– Хватит! Ни слова больше! – неожиданно для себя закричал Титов. Размягченное алкоголем воображение повторяло за рассказчиком картины реалистичнее документального кино, с запахами, жарой и желтой пылью. – Так нельзя, они же люди!

Несколько минут шли молча.

– Далеко еще? – запыхавшись, спросил Александр.

– Почти пришли. Ты давай не шуми в подъезде, расшумелся, у меня соседи нервные, чуть что – в полицию звонят.

Казалось, все жильцы дома спят и весь район спит. Добрые люди отдыхали перед суетой надвигающегося рабочего дня. В свете уличного фонаря, пробивающегося сквозь прорванные газеты, наклеенные на стекле кухни, сидели два темных человека. Они тихо говорили, тихо наливали и пили из бесшумных пластмассовых стаканчиков.

– Через год меня снова ранило. Решил – всё. Довольствие не платят месяцами, обмундирования нет, оружия не хватает. Командование пьет не просыхая, координации нет, предательство, неразбериха. Двухсотые, трехсотые. Сослался на ранение и после выписки комиссовался к чертовой матери. Поехал добровольцем через Украину в Югославию. Потом снайпером работал в... Да не важно. Много где был. Надоело все. Десять лет на войне, устал я, умер. Ты сам-то в армии был?

– Три месяца на сборах после института лейтенантом.

– Понятно.

– Сколько ты человек убил? Считал?

– Сперва считал, потом бросил. Убивая кого-то, даже врага в бою, ты убиваешь себя. Не сразу всего, а медленно, по частям. Словно каждый раз стреляешь в себя сам. Ежедневно убиваешь себя и стираешь грань между жизнью и смертью, своей и чужой. Уже не различаешь, кто где, кто жив из нас, а кто убит. Какая разница, зачем воюешь, когда ты сам уже мертв? Смотришь в оптику и не знаешь, ты в него прицеливаешься или он в тебя? Непонятно. Потом выстрел – и оба попали. Потом мне та девочка приснилась. Помнишь, которая в Айраке? – боевик низко наклонил голову, казалось, он плачет. – Хватит, говорит, Саша, довольно с тебя крови. Это пару месяцев назад было. Я собрался и рванул. Теперь здесь, в вашем городе, где меня никто не знает. Здесь мой корешок жил до войны, его убили. Давно уже. Ладно, не переживай, я в порядке, она мне больше не снилась с того раза. Ушла на небо. Теперь вот средства к сосуществованию заканчиваются. На работу пытаюсь устроиться, деньги-то нужны. У тебя нет знакомых, кто бы мог помочь?

– С работой?

– Ну да.

– Не знаю, а ты что делать умеешь, кроме, ну...

– Я все могу, ты скажи, что надо.

– Подумать надо. Пора мне, Миша. Кстати, ты себя Сашей назвал. Показалось? Ну ладно, пусть показалось. На работу скоро бежать, нужно себя еще в порядок привести. Я зайду на следующей неделе. Давай, хороших тебе выходных!

– Выходных? А, ну да, сегодня же пятница. Я счет времени потерял, – вздрогнул Михаил.

Начало седьмого утра, за окном уже светало. Титов шел домой по пустым улицам, зябко завернувшись в куртку. По пути с ним поравнялась машина ППС и ехала некоторое время параллельно, сопровождая. Двое полицейских, напоминающих Швейка в исполнении Йозефа Лады, улыбаясь, рассматривали через стекло одинокого опрятного господина и о чем-то переговаривались. «Мешков награбленного у меня с собой нет, одет чисто, не шатаюсь, – он хмуро посмотрел на полицейских и равнодушно отвернулся. – Документы в порядке, проезжайте ребята, тут вам не обломится. Хороший парень этот Миша, может оказаться полезным. Он меня не знает, где живу – не знает. За деньги, я думаю, готов на многое, да и дорогого не запро-

сит. Может оказаться полезным». Полицейские, словно разгадав мысли прохожего, прибавили газа и уехали.

Получается, удачно он накануне поссорился с Варей.

2

Большое преступление, как правило, начинается с замысла. Опустим бытовую пьяную поножовщину. Человек, всерьез планирующий и подготавливающий убийство, – уже убийца, хотя бы перед собственной совестью. Следующий шаг – осуществление задуманного – делает его виновным и перед людьми, и перед законом.

Всё просто. Подойдя к черте и заглянув за нее, нельзя не содрогнуться, но, закрыв глаза, человек переступает черту, отделяющую его от честных людей, и вступает в общество преступников. Потом придется уповать на неуязвимость и оправдывать себя в собственных глазах. Многое можно себе доказать, можно постараться забыть, только вернуть ничего нельзя – шага назад не бывает. Разве попробовать стереть эту черту совсем? Растоптать ее, размазать, разорвать, перепутать правду с ложью, закон с преступлением, смешать правых и виноватых. Обоснование? Обстоятельства, которые всегда сильнее, порядки, которые не нами установлены.

Титова влекла не обида, а справедливость, как он ее себе представлял. Искаженная теория естественного отбора в каком-то смысле. Ему всегда было интересно понять, как считающий себя адекватным человек, сознательно идущий против закона, объясняет себе свое намерение. Ведь не может же так быть, чтобы он, этот человек, совсем не страдал, не переживал или не сомневался? Страх за свою бессмертную душу, наверное, ему не известен, но как минимум опасение, что все однажды раскроется? Должно же быть что-то?

Теперь он сам идет в этом направлении по четной стороне улицы Проектируемый тупик, ищет дом одиннадцать на противоположной стороне. Сегодня, среди бела дня, улица, плотно застроенная панельными пятиэтажками, выглядит обычно, то есть совсем не зловеще, как несколько дней назад, когда он сюда попал впервые.

Конечно, той ночью он был здорово нетрезв, и нетрезвость сгущала и без того густую темноту района. Однако гуще, чем сгустившаяся темнота, казался ему силуэт идущего впереди нового знакомого. Должно быть, сам нечистый подослал к Александру Титову этого опасного господина, чтобы помочь разрешиться от разрывающего грудь, пугающего бремени. Подал знак и открыл плотину. А может быть, кингстоны. Или и то и другое. Вся ситуация сложилась таким образом, что бездействовать дальше ему казалось непростительным.

Синие номера домов незримо толкали Александра к цели, они подгоняли его, переставляли ноги. Вот девятый дом, вот и одиннадцатый. Грязно-серая коробка, безликая, как плакатный образ строителя коммунизма на солдатском плацу. Дальше хода нет, пришел. Он остановился. «Может быть, не сегодня? – трусил Титов, понимая, что никогда не будет полностью готов. – Допустим, завтра, когда окончательно настроюсь, когда перестанет трясти». Что-то внутри вдруг толкнуло его вперед, он нехорошо улыбнулся, то ли сожалея о прошлой жизни, то ли приветствуя новую, незнакомую, и решительно пересек улицу, преступив заодно и черту.

Низко склонив голову прикрытую капюшоном толстовки, Титов прошел через сканирующие взгляды старушек, сидящих двумя рядами на лавках друг напротив друга. Несколько ступенек вверх и направо. Дверь квартиры номер два на первом этаже оказалась заклеенной полоской бумаги с подписью и печатью. Опечатана? Он тупо уставился на бумажку, пытаясь прочитать надпись, но буквы издевательски плясали и выпрыгивали. Тяжелый дух подъезда вкупе с волнением не давали сосредоточиться.

– Вы постучите, только громче, – услышал Александр женский голос и обернулся на квадратный свет в конце короткого тоннеля. – Он дома должен быть, гад. Не выходил, кажись, еще сегодня, если вчера приходил. Звонок-то ему перерезали уже, так что долбите в дверь

механическим путем, по старинке. Не обращайтесь внимания на бумажку, в этой квартире старичка убили, Федора Ильича, на Крещение, и помещение под арестом состоит. А этот живет из милости с разрешения участкового.

Титов постучал «по старинке», и дверь сразу открылась. Из квартиры вырвалась дрожащая теплая волна настоявшегося смрада, которая зримо, как прилив, вынесла на Александра высокого широкоплечего мужчину. Титов отступил на шаг и представился:

– Я Александр. Помните меня, Михаил?

Михаил сфокусировал взгляд, разобрал идущий от незнакомца свежий запах коньяка (Титов сделал глоток для храбрости), разглядел бутылку в пакете и коротким, конспираторским движением пригласил гостя внутрь. Александр прошел в помещение и огляделся.

В прошлую пятницу, в силу известных причин, ему не удалось разглядеть жилище нового знакомого. Теперь он с недоумением обводил глазами обстановку. Такой квартиры ему прежде не доводилось видеть. Все, что можно перечислить из обстановки, – грязная в подтеках газовая плита и две грязные же табуретки, батарея закопченных коричневых разномастных сосудов на подоконнике кухни. В комнате ворох источающих тлен тряпок, служащих видимо постелью. Ни обоев на стенах, ни линолеума на полу. Везде серый бетон. Стилистический минимализм разбавляли остатки пожелтевшей белой краски на потолке. Окна, кое-как заклеенные газетами, плотно закрыты.

– В комнату не приглашаю, там не убрано, я не ожидал сегодня гостей, – серьезно объяснил Михаил, открывая дверь совмещенного санузла. – Заходи, присаживайся на краешек, свет есть только здесь. Во! – он поднял палец вверх. – Последняя лампочка осталась в доме, и та – Ильича. Говорят, тут он и помер в ванной. Его нет, но дело его, как говорится, живет и побеждает! Если не ошибаюсь...

– Александр, – напомнил Александр.

– Замечательно! – мужчина поставил ногу на край отвратительного, с трещиной, унитаза, оперся на нее скрещенными могучими предплечьями и внимательно посмотрел в глаза Титову. Бледный шрам от правого глаза к виску, казалось, пульсировал. – Слушаю вас, Александр. Можете говорить совершенно открыто, как на исповеди, я – могила, не сомневайтесь. Закуришь? Нет? Ну, как хочешь, а я закурю.

Облако дыма разделило собеседников ватной неподвижной стеной. Титов понял, что сейчас потеряет сознание. Свет тусклой лампы размазался, предметы утратили свою первоначальную форму, плавно поехали против часовой стрелки. Он выхватил из сумки коньяк и сделал несколько больших глотков. Движение предметов продолжилось, но появилась иллюзия контроля за их вращением, как на карусели.

– Угощайтесь. За встречу, – произнес он севшим голосом и протянул остатки напитка хозяину. – Я, собственно, по делу.

Михаил в два глотка проглотил содержимое, прикрыв правый глаз, глубоко затанулся и одобритительно кивнул:

– Говори, не тяни. Я тебя вспомнил, Саша, ты обещал мне с работой помочь. Какое дело?

– Дело такое, Миша, нужно одного человека... ну ты понимаешь. Гонорар – десятка. Будет фотография его, адрес места жительства и деньги – аванс две штуки долларов. Работа в глухую под ограбление. Никаких вопросов не задавай. Сделал – получил вторую часть. Срок – неделя, максимум две с момента передачи денег. До двадцать девятого апреля работа должна быть выполнена, лучше раньше. Да – да, нет – нет. Он иногда ходит с охраной – один человек с оружием, лох, – но в квартиру поднимается всегда самостоятельно, единолично. Так что? Возьмешься? Торга нет. Если возьмешь деньги, то...

– Не нужно лишних слов, Саша, ты же ко мне пришел, значит, все понимаешь. Почему же не взяться? Можно и взяться, – спокойный взгляд Михаила прощупывал каждый участок лица Титова. – Дело привычное. Передавай установочные материалы, гонорар и не беспокойся. Все

будет сделано в лучшем виде, залюбуешься. Не мокруха будет, а малина – пальчики оближешь. Давай, доставай.

– На днях. Все, что перечислил, будет через день-два, как решу. Главное, запомни – до двадцать девятого работа должна быть сделана. Это очень важно! Я позвоню, где забрать...

– Не позвонишь, у меня телефона нет, – выпрямился здоровяк и улыбнулся, довольный собой. – Ни городского, ни мобильного. Не люблю я все эти современные штуки, излучение и все такое, для здоровья вредно. Прилепи мне на окошко записочку, или еще как, сообразишь. Укажи, где закладка, и жди новостей.

Титов выскочил из подъезда и быстро зашагал домой. Жидкое апрельское солнце сквозь голые еще ветви деревьев почти не согревало. Остатки снега в тени гаражей и мусорных контейнеров обещали вскоре обнажить замерзших зимой бомжей и вызывали отвращение.

Как-то тревожно на душе. Приступ отваги сменился отчаянием и пустотой.

Выходные Титов прожил один, к вечеру воскресенья почувствовал, что ему так больше нравится. Сегодня вечером Варя возвращается, удалось убедить ее и себя в своей любви. Они помирились и снова будут жить вместе как ни в чем не бывало. Хотя определенное ее недовольство ощущается достаточно давно. Отчасти оно и стало причиной ссоры.

Причина недовольства – он младший партнер компании, а работает больше всех, несет полную юридическую ответственность как генеральный директор и как миноритарный учредитель, но деньги проходят мимо него. Варваре обидно за него, и она требует, чтобы он поднял вопрос об изменении своего статуса в компании, а он не хочет, откладывает и врет ей. Она же не знает, что, когда ребята его принимали в дело, он пообещал работать на тех условиях, на которых был принят, и не поднимать вопрос о пересмотре. Он обещал и, как честный человек, не мог нарушить свое слово. Убить бы тех, кому дал слово, наверное, мог, а нарушить обещание точно не может. Порядочность – тонкая штука, индивидуальная, иногда опасная

Потом он не раз вспоминал эту ссору, глупую, необязательную, но положившую символическое начало всем тем бедам (хотелось написать – приключениям, но бедам – точнее), которые вскоре с ним произошли.

3

В первой половине девяностых они выпустились с химического факультета городского политехнического университета – Александр Титов, Евгений Безроднов и Олег Волков. Будущие совладельцы химического производства, специализирующегося на изделиях из полимеров, резины и деталях из композитных материалов.

Далекая светлая молодость! Солнце и свежий ветерок каждый день, круглый год. Так теперь вспоминаются те времена. Женя с Олегом дружили с университета, Саша всегда был рядом, оказывая мелкие или деликатные услуги, стараясь не терять связи с товарищами даже после того, как на третьем курсе он взял академический отпуск и пропустил год. Он серьезно увлекался единоборствами, получил в спарринге тяжелое сотрясение мозга и перелом, лечился.

Именно из-за увлечения спортом, в котором он больших результатов не достиг, его считали несколько туповатым, но порядочным парнем. Титов поправился и вернулся в университет. Друзья помогли ему сделать хороший дипломный проект, для которого Олег не пожалел нескольких своих идей.

В университете Олег Волков зарекомендовал себя странным человеком, ботаником с резким, неуравновешенным истерическим характером, способным доходить до грубости и даже

хамства. Когда что-то его категорически не устраивало, он взрывался самым возмутительным образом – не разбирая слов старался оскорбить оппонента, унижить в глазах окружающих, выставить умственно неполноценным. Он называл это «ленинским способом ведения дискуссии».

Вся его внешность заставляла насторожиться. Выше среднего роста, закрытый, сухой, с выступающим крючковатым носом и глазами навыкате. Не каждый был способен выдержать его уничтожающего высокомерия и желчной иронии. Вместе с тем, одержав победу, «испражнившись», как он сам говорил, Олег начинал страшно переживать за обиженного им собеседника, мучиться угрызениями совести и всячески заглаживать вину. Он принимался оказывать побежденному неожиданные знаки внимания, заглядывать в глаза, предлагать разнообразную помощь. Особо гордые доводили его до полного иступления, оттягивая момент прощения. Они старательно игнорировали Олега, неделями пренебрегали его попытками помириться, после чего великодушно принимали извинения.

Тот, кто слишком уж заигрывался, сразу попадал в список заклятых врагов, поскольку Волков не мог простить вынужденного унижения, пережитого им исключительно из сострадания и жалости к глуповатому товарищу, и, будучи наконец прощенным, сразу старался отомстить за себя. Опять начинал язвить и задираться. И так по кругу.

Группа в университете разделилась на две части: одни ненавидели Волкова, но отдавали должное его таланту ученого, другие также признавали его талант, но не обращали на его слова внимания, считая их естественной составляющей сложного характера одаренного человека. Именно эти другие всегда охотно принимали его помощь в подготовке трудных контрольных по химии, курсовых и дипломных работ. Одним из таких сокурсников был Евгений Безроднов, который больше других сблизился с Волковым, сумел завоевать его доверие и уважение. Женя умел то, чего не умел Олег: он умел зарабатывать деньги.

Первое, что бросалось в глаза при знакомстве с Безродновым, – это невероятная энергия, острый ум и обаяние. Он обладал способностью быстро заводить знакомства, находить ключ к нужным ему людям. Говорил негромко, подчеркнуто уважительно, имел дар убеждения и даже мог мягко давить, когда того требовала задача. Однако в его заразительности было нечто необычное, избыточное. Не все это могли увидеть и распознать, но те, кто обращал внимание, становились осторожны и подозрительны.

Причина в глазах Евгения, вернее, в его зрачках. Они все время были расширены, словно он находился под действием наркотиков или алкоголя, хотя он не пил совсем и не курил, в отличие от Волкова. Его экзальтированность иногда пугала людей, но успешность притягивала, заставляя верить в магическую способность находить выгодные решения в любой ситуации, иногда даже выходить сухим из воды.

Те, кому доводилось долго общаться с Евгением, приходили к выводу о его некотором безумии, легкой степени шизофрении: горящий взгляд, зрачки эти, постоянная нервическая активность, – но позже в оборот вошел термин «пассионарий», который раз и навсегда все всем объяснил.

Никто в университете не мог понять странную дружбу Волкова и Безроднова, этих совершенно разных людей, объединенных разве только ненормальностью – талантливого безумного химика и талантливого безумного организатора, но именно эта дружба позволила им создать одно из самых успешных предприятий города, к которому впоследствии удачно присоединился и Титов.

Закончив университет, Волков обосновался в корпусе химической лаборатории университета, где занимался своей наукой, потом перебрался на небольшое экспериментальное предприятие, находящееся в составе университета. Предприятие приносило убытки и тяжким бременем висело на скудном бюджете университета, датируемом городом. Олега Львовича это

нисколько не беспокоило, через пару лет он поступил в аспирантуру, спустя еще три года защитился.

К началу нового тысячелетия кроме большого количества патентов, дипломов с выставок и журналов с опубликованными статьями он ничего не нажил. Как часто бывает со способными людьми, он ярко проявлял себя в учебном заведении, где все подчинено воле ректора. Режим работы, очередность задач, сами задачи, способ отчета и, главное, выражение результата работы в виде оценки в зачетку – все регламентировано и не зависит от воли студента.

Но в жизни вне университета все оказалось гораздо сложнее. Оценкой труда стали деньги, и регламент следовало составлять самому. Зарабатывать деньги не получалось, а кормить за голый талант никто не хотел. Бывшие троечники буквально выпадали из «мерседесов» и казино в обнимку с обворожительными красавицами, опрокидывая всю его систему ценностей.

Волков стал еще более злым, начал выпивать, обносился. Квартиру снять, а тем более купить не мог и жил с женой и больным ребенком в двухкомнатной квартире матери. Его бездарные сокурсники чувствовали себя в новой России гораздо лучше в финансовом смысле, и он старался с ними не встречаться, а встречаясь случайно на улице, отворачивался или, нелепо ускораясь, перебежал на другую сторону.

Когда он отказался от всех знакомых, затравил всех до единого коллег на химическом заводике и в университете, и для него уже забрезжил в недалеком будущем сумасшедший дом по поводу белой горячки или биполярного расстройства, к проходной предприятия подъехал большой черный джип.

Летом территория завода обрастала густой зеленью и как бы отделялась от остального города живой изумрудной броней. Машина внезапно появилась и резко затормозила напротив проходной.

С водительского места вылетел спортивный парень в черном, открыл заднюю дверь авто, из которого неспешно вышел Безроднов в белой рубашке, дорогом костюме и галстук. Охранник, неумело прикрывая спиной босса, проводил его до дверей, оглянулся, придержал дверь, и Евгений Викторович предстал перед изумленным пожилым вахтером, с самого начала с недоумением и восторгом наблюдавшим все происходящее через стеклянные витрины парадного.

– Здравствуйте, – мягким, подчеркнуто уважительным тоном обратился Безроднов к напуганному маленькому старику в серой форме с нашивками. – Могу я пройти к Волкову Олегу Львовичу? Я депутат городского совета Безроднов. Ведь вы же не будете возражать? Вот мое удостоверение.

– Я должен... у нас инструкция, пропуск... ах, да, на плакатах видел... списков на вас нет, наверное... – лепетал старик, пока охранник депутата отодвигал рычаг в будке и разблокировал турникет, пропуская шефа на территорию. В карьере чоповца это был первый человек, стремившийся без пропуска внутрь. Обычная его работа заключалась в разоблачении несунув с завода и сбора с них заградительной пошлины в собственный доход.

Описываемая историческая встреча старых друзей произошла летом две тысячи второго года и впоследствии роковым образом повлияла на их судьбы. Но в тот давнишний момент они оба были по-своему рады встрече и предвкушению возможности объединить усилия. Причиной встречи послужил рассказ о жалком положении Волкова одного из друзей Безроднова, после чего в мозгу Евгения сложился тот пазл, который несколько недель его мучил.

Жизнь здорово обломала Волкова. Его высокомерие приобрело какой-то истерический, болезненный оттенок, поблекло и выдохлось, сарказм выродился в тихое злобное бормотание. Он не сразу узнал друга, а узнав, вдруг прослезился, упал на стул, закрыл глаза руками и беззвучно зарыдал. Безроднов помедлил минуту, рассматривая бывшую звезду факультета в нечистом черном халате, потом подошел к нему, положил руку на лысеющую голову и попробовал пошутить:

– Не надо, Олежка, не надо. Перестань. У меня есть идея, и, если ты поможешь, мы изменим объективную реальность, данную тебе в ощущениях. Ты же поможешь? – он ожидал чего угодно, но не такого плачевного внешнего и душевного состояния Волкова, сердце его сжалось от горя и от стыда за то, что забыл его.

– Помогу, – преодолевая рыдания, словно самому себе забормотал ученый. – Конечно, я буду очень счастлив помочь. Всю жизнь кому-то помогаю, мне бы кто помог хоть раз!

– Готов работать?

– Все что угодно, Жень. А то видишь, как оно вышло. Понимаешь, все потеряло смысл, я ничего не могу, никому ничего не надо, – он вдруг оживился, вскочил и сделал движение обнять благодетеля, но не решился и снова сел, промокая глаза несвежим платком. – Женька, Женька! Как же ты вовремя, словно ангел тебя послал. Это часом не Васильев тебе про меня наговорил, ничтожество тупорылое, его работа?

– Да, Лешка позвонил, рассказал, что видел тебя позавчера и решил мне напомнить.

– Так я и думал. Решил, значит, раньше без меня ничего решить не мог: «Олег, реши контрольную, уравнение реши – не решается», – передразнил он отсутствующего товарища. – А теперь за меня решает. Буду знать теперь, кого благодарить за свое спасение, научу жену в его честь свечку ставить «за здоровье». Она православная у меня. Терпит. Если бы не полное почти отсутствие мужчин в городе и не доченька, она бы бросила меня давно. Точно знаю. А так – терпит.

– Как семья? Как дочка?

– Плохо семья, Женька. Дочка у меня болеет, ей четыре годика, лечение нужно, лекарства, занятия, физкультура, а я тут копейки получаю. На материну пенсию живем. Если сейчас лечить не начать – труба, пропадет девчонка, – он снова закрыл лицо руками. – Ты не представляешь, что это такое – видеть ее и знать, что ничем не можешь помочь. Нет, не подумай, я не жалею, – он сверкнул глазами. – Просто каждое утро сдохнуть хочется больше, чем выпить, а вечером хочется выпить и сразу сдохнуть. Дисгармония и разбалансировка организма, понимаешь? Давай накатим за встречу? У меня есть собственной возгонки амброзия, на носовых перегородках. За счастливое начало того, что ты запланировал начать, за избавление от безнадежности. Не чокаясь – за тебя!

Используя связи в городе, статус местного депутата, Безроднов договорился об отчуждении завода от университета в собственность городу и выставлении его на продажу. Комбинатию осуществили стремительно. Евгений и Олег учредили офшорную фирму Meinvent Rubber Production Bureau (MRPB), ставшую держателем патентов, полученных Волковым на химические и технологические процессы составов и способов обработки резиновых смесей. MRPB, в свою очередь, стал учредителем компании BW Rubber Company (ООО «БВРК») совместно с нынешним директором завода, который получил пять процентов. БВРК взяла кредит в городском банке на покупку акций убыточного и неперспективного на тот момент завода.

Вскоре правительство города разместило в ООО «БВРК» большой заказ на производство резиновых плит из вторичной резины, полученной из утилизированных покрышек. Плиты предполагалось применять для оборудования трамвайных переездов, спортивных площадок, подъездов офисов в городе и области. Задача изобретателя – придумать техпроцесс отделения армирующих кордов в теле колеса от резинового наполнителя, дешево и качественно. Патент по спеканию вулканизированной резины у него уже был в работе.

Волков буквально преобразился. Он разрабатывал техпроцесс переработки, проводил эксперименты и поступил в докторантуру МГУ. Из перечисленного городом аванса друзья погасили кредит, постепенно закупами оборудование, участвовали в специализированных выставках, продвигая свой экологический продукт. Олег метался от микроскопа к пробиркам, от пробирок к печи, потом к компьютеру и обратно. Покрывал блокноты формулами и летел проверять их экспериментально.

Сам Безроднов был не слишком склонен заниматься делами завода, его больше занимала политика. Когда стало ясно, что прежнему директору и нынешнему совладельцу завода по причине возраста не под силу организовывать новое производство и тем более впоследствии управлять им, включая логистику сбора покрышек, обеспечение продаж и отправки заказчику готовой продукции, вспомнили про Титова. Период временного политического альянса старого директора и новых собственников завершился, пора было работать.

На тот момент Александр держал две палатки на строительном рынке и собирался расширяться, взять третью. Ему компаньоны и предложили выкупить пять процентов завода, возглавить его и получать высокую зарплату. Поскольку проданного бизнеса не хватало, чтобы оплатить долю прежнего директора, Олег и Евгений ссудили его недостающей суммой под обещание удовлетвориться окладом и премиями, но никогда не претендовать на дивиденды, которые, впрочем, никто и не планировал показывать, как и прибыли. На том и порешили.

Казавшееся Титову огромной удачей предложение постепенно, по мере развития производства и увеличения заказов, потеряло свою первоначальную привлекательность. Ведение двойной бухгалтерии хоть и являлось тогда делом обычным, но все-таки было сопряжено с рисками. Однажды ему только чудом удалось отбиться от налоговой, благодаря тому, что Безроднов включил свои связи в Москве. Все схемы обналички Титов брал на себя, он сам доставлял деньги на завод. Конечно, оклад Титова рос, но никак не пропорционально продажам и нагрузке. Он начал испытывать постоянное раздражение, зудящее желание справедливости и со временем возненавидел своих компаньонов.

У человека деятельного ненависть часто превращается в план.

4

Нехорошие, отрывчатые, безотчетные мысли день ото дня сами собой оформились в некую идею. И вот он поймал себя на мысли, что уже вынашивает план. Сверхъестественным образом зачал его, должно быть от нечистого духа, и понес.

Первые явные признаки он отметил, когда просматривал смешной детективный сериал. Он вдруг обнаружил, что подсознательно примеряет сюжет с убийствами к своей ситуации, воображая на месте застреленных и зарезанных Олега и Женю. Это забавляло. Более того, он отметил, что подобного рода размышления приносили ему удовольствие, садистское удовлетворение. Жалости к ребятам, мысленно уничтоженным, не было совсем. Напротив, ощущение реванша за унижения, которым, как ему казалось, его подвергали каждый день, начиная с университета, отдавалось в животе сладкими спазмами, подобно предвкушению запретного секса.

Из развлечения жажда мести постепенно превратилась в маниакальную зависимость, из мечты – в потребность, в цель. Мир исказился в его глазах, как на негативе фотопленки. Белое обратилось в черное. Все, когда-то сделанное для него друзьями из лучших побуждений: помощь в учебе, предложение работы с высокой зарплатой, – воспринималось теперь как оскорбление, свидетельство его собственной беспомощности, бездарности и доказательство их превосходства над ним. А покровительственный тон? А невыносимые шутки Волкова? Они считали его человеком второго сорта, из деликатности не говоря этого прямо в лицо!

Но одно дело – грезить о мести, и совсем другое – ее готовить. Одно дело – вынашивать, и другое – рожать. Начало подготовки требовало импульса, логического стечения обстоятельств, некоего знака свыше. Титов стал мнительным и суеверным. Читал гороскопы, отмечал номера проезжающих машин, искал чего-то мистического, что точно укажет – пора.

Сложившаяся к моменту нашего повествования ситуация в компании, поход Безроднова в Государственную Думу, неудачные перевыборы, связанные с этим проблемы, о которых будет рассказано ниже, и совсем не триумфальное возвращение в бизнес плавно подводили Александра к необходимости начинать действовать. Недоставало только исполнителя.

Случайная, но закономерная встреча с опасным наемником подвела черту под перечнем необходимых ингредиентов того блюда, которое Титов уже давно замыслил и которое необходимо будет потом кушать холодным. Кушать медленно, в колеблющемся свете свечей, тщательно обсасывая каждую косточку врага и запивая густым, алым, как томатный сок, напитком из хрустального бокала.

Теперь, после того, как Михаил подтвердил готовность выполнить заказ, оставалось подобрать соответствующее фото и придумать, как правильно им распорядиться. Наступил момент истины, возможность полностью изменить жизнь, реализовать свои особые качества, доказать делом свое превосходство и право.

«По существующей статистике, – несмотря на отсутствие у него какой бы то ни было статистики, утешал себя Титов. – Подавляющее количество раскрытых преступлений совершено людьми примитивными, малообразованными и тупыми. Это известно. Места лишения свободы населены какими-то неандертальцами, культивирующими свои животные инстинкты – пьянство, наркоманию, похоть, неконтролируемый гнев, которые и являются причиной совершенных ими преступлений. Соответственно же выглядят и органы правопорядка. Те же неудачники с юридическим, то есть никаким, образованием, без минимальных способностей, кроме способности извлекать выгоду из любого попавшего в их руки дела. С кучей комплексов и собственной деформированной философией справедливости. Профессионализм подавляющего большинства следователей и оперативников соответствует уровню контингента. Это очевидно. Зачем развивать себя более, чем требуют задачи? И о какой морали можно говорить, когда само государство ведет себя аморально, выплачивая символическую зарплату людям, ежедневно рискующим жизнью, связанным присягой и запретом на дополнительный заработок? Вдобавок все эти реформы органов и сопутствующие им сокращения, огромное количество дел, которые не успевают отрабатывать следователи и рассматривать суды... Им никогда не раскрыть акции, задуманной умным, развитым человеком. Серьезные люди, поднимающие большие деньги, всегда на свободе. Недооценивать следователей, конечно, нельзя, но известно, что изящные комбинации встречаются только в детективах прошлого века. Думать, думать, думать и не торопиться. Главное, все предусмотреть, действовать умно, аккуратно спланировать и четко провести».

Иногда он мысленно отделялся от физической стороны своей идеи и будто разыгрывал шахматную партию, получая удовольствие от красоты игры и способности не торопясь просчитывать свои ходы и ходы воображаемого противника. При этом Титов не хотел даже про себя произносить слова «преступление» или «убийство», как бы отгораживаясь от очевидного. Словно если не давать определений, внятно их не проговаривать, то вроде как к тебе и не относится, несмотря на полное понимание мотивов и последствий отвратительного, не имеющего оправданий деяния.

Он сидел в офисе и перелистывал на рабочем компьютере фотографии, сделанные в разные годы. Дома он их не хранил, поскольку там он вообще не пользовался компьютером. Весь этот многосотенный архив, разложенный по аккуратным датированным папкам, запечатлел этапы его жизненного пути в хронологическом порядке с конца девяностых по настоящее время. Александр открывал папки, бегло просматривал изображения, закрывал и двигался дальше. Раньше он не испытывал потребности просматривать фото, но занятие увлекло его, и постепенно он забыл, зачем это делает, забыл, что ищет кадр не из удовольствия.

Вот его чепуховый, но свой бизнес – рынок, краски, обои, шпаклевки. Первый автомобиль, первый отпуск за границей, появилась Варя, ребята – Олег и Женька с женами на шашлыках, производственные цеха, кабинет директора, Новый год, еще один и еще, свадьба, весе-

лые лица одних и тех же людей в разных комбинациях и в разной обстановке, вот и с детьми. Одно общее – счастье, достаток, дружба.

Он остановился на фотографии, запечатлевшей их троих на пикнике возле пруда. Синейшее небо, яркое солнце, вытоптанная трава возле кромки свинцовой воды. Титов на компьютере поправил яркость и контрастность, увеличил изображение и выделил нужное, сохранил и распечатал фото на стоящем в углу кабинета цветном принтере на фотобумаге. Потом за угол достал листок из принтера, рассмотрел результат и с отвращением бросил распечатку на стол переговоров изображением вниз. Выключил компьютер и отошел от стола.

Последние два десятка лет пронеслись перед глазами как череда удач, как гладкий путь от хорошего к лучшему, путь, освещенный честными товарищескими отношениями и любовью.

«Ну чего мне не хватает? Зачем все эти приготовления? Живи, как жил, и, если есть на свете высшая справедливость, она сама воздаст по заслугам, – Титов зашагал по кабинету из угла в угол, обводя рассеянным взглядом окружающую обстановку. – Руки должны оставаться чистыми всегда, – он рассмотрел свои дрожащие от возбуждения руки, с сожалением потер их одну о другую. – Всё еще можно отменить. К черту Михаила – и всё к черту. Наплевать! Все эти знаки, все амбиции и комбинации не стоят дружбы, доверия и жизней людей. Если по совести, то тот рынок, где были мои палатки, давно убрали, а рядом построили огромный строительный гипермаркет. Я бы все равно прогорел, набрал бы кредитов, как многие, – и всё, катастрофа. Жил бы сейчас в коробке от телевизора без удобств. Ничего не надо! Страшно подумать! Ребята спасли меня, просто взяли и спасли. Спасибо им. Однако скучно просто жить». Он остановился и, заложив руки за спину, уставился в окно на покрытую трещинами бетонную стену производственного корпуса.

Неотъемлемое свойство амбициозных людей – некая внутренняя энергия, заставляющая постоянно искать реализации себя в чем-то новом и трудном, но сулящем прорыв. Эта энергия вынуждала Александра ходить в молодости на опасные тренировки, создавать и развивать собственный бизнес, прорываясь через риски, обнаглевших бандитов, грозящих убить, и милицию. Потом появилась новая задача – финансовые показатели завода, над которыми он работал по шестнадцать часов в сутки. Надо заметить, что деньги, квартира, машина и прочие материальные блага сами по себе его мало интересовали, он искал удовлетворения от работы, удовлетворения амбиций через достижение результата, решение сложной задачи. Теперь, когда его жизнь вышла на определенный уровень и производственные дела не требовали работы «на разрыв», он откровенно заскучал, не находя для себя другой сверхцели. Избыточная энергия накапливалась и искала выхода, он стал беспокойным, раздражительным, как человек, зримо упускающий какую-то возможность из-за собственной лени, но не способный преодолеть эту сковывающую лень. Только сформулировав идею реванша, он совершенно успокоился и вновь обрел смысл жизни.

Дверь резко открылась, в кабинет Титова влетел взъерошенный Волков, а следом за ним, мягко ступая, вошел невысокий господин с неуловимым взглядом бесцветных глаз.

– Александр Михайлович, категорически приветствую, – прокричал Олег. – Извини, что отвлекаю от созерцания буйства природы. Дела. Дела требуют трезвости, несмотря на обещанное время. Разреши представить тебе Виктора Семигина, нашего будущего представителя в Москве. Виктор, это наш генеральный – Титов Александр Михайлович, царь и бог нашей резиновой планеты. Ну, а меня вы оба знаете.

Семигин неожиданно быстро приблизился к Титову, опустил руки вдоль туловища и, слегка поклонившись, произнес:

– Рад знакомству, с надеждой, то есть, надеюсь... – не закончил фразы, показывая всем видом, что и так понятно.

Он упорно не смотрел в глаза Титову, ограничиваясь уровнем груди, как будто стеснялся и хотел скорее убежать. Ладонь его оказалась мягкой, влажной и неприятной. Титова прошибла безглиявая дрожь от прикосновения к ней, появилось нехорошее предчувствие.

Однако Волков не давал опомниться. Он усадил всех за круглый стол. Титов не отрываясь смотрел на лист фотобумаги.

– Саша, это находка! – орал Олег, непрерывно ерзая в кресле, широко жестикулируя и обращаясь то к Титову, то к Семигину, уставившемуся в стол и не поднимавшему глаз. – Человек сам пришел и предложил стать дилером по Москве и Питеру. У них крупная компания, работающая давно уже в этих регионах. Мы никак туда выйти не могли несколько лет, на одни выставки сколько денег извели, а он сам пришел. Представляешь? У них более двух сотен клиентов, есть представительства и в других регионах! Это ж, я не знаю! Огромный рынок! Представляешь? Сейчас самое главное – быстро согласовать дилерское соглашение, – он неожиданно придвинул к себе злополучный лист и стал набрасывать на нем своим нечитаемым почерком перечень мероприятий, возбужденно восклицая: – Условия поставки, условия оплаты, прайс-листы проработать совместно, условия по отсрочке, товарный кредит...

«Опять всё без меня решили, – Александр пытался подавить приступ злости. – Ни расчетов, ни проверки этого Семигина и его фирмы. Надо бы сперва съездить посмотреть их на месте, ознакомиться с ассортиментом, нельзя же так. Безроднов, наверное, все решил, как всегда, не вникая в детали».

– Мы обговорили уже совместное участие в рекламных кампаниях, – захлебывался Волков. – Выпустим совместный каталог продукции, нужно будет...

– Женька в курсе? – перебил Титов друга.

Семигин, казалось, проснулся, весь подобрался и резко посмотрел в глаза Олегу. Но, заметив наблюдающий взгляд Титова, снова опустил взгляд. Олег сделал вид, что не расслышал (или в самом деле не расслышал), и продолжал:

– Нужно будет отснять качественно наши изделия. Нюансы потом. Короче, считаю необходимым обсудить все, обдумать, запросить у будущих партнеров необходимую информацию, просчитать и принимать решение. Я специально привел сразу к тебе Виктора Юрьевича, чтобы вы познакомились, посмотрели друг на друга, обменялись контактами. Ну а дальше тебе решать, конечно, ты генеральный директор, твое слово последнее. Виктор Юрьевич, что скажешь?

– Мы готовы, конечно, если вы готовы. Бизнес. Со своей стороны... Вы понимаете. Тут есть наш интерес. Ниша рынка. Развитие, оно всегда хорошо, – он говорил какими-то отрывками, заканчивая фразу пожиманием плечами или кивком головы, давая понять, что все всё понимают и нечего сорить словами. – Деньги же – это... Давайте, ну, попробовать, что ли... Если посмотреть, то видно.

На фотографии тем временем появился еще и след от стакана. Александр молил Бога, чтобы Олег не переворачивал листок.

– Это человек дела, почти финансовый гений, Сань, – объяснил Волков. – Не великий оратор, как видишь, но профессионал. Сам потом убедишься.

Наверное, это можно назвать ошибкой Титова – упоминание Безродного в связи с заводом в присутствии третьих лиц, хотя четкой договоренности вроде бы не было. Но Александр сразу понял свою оплошность. По обострившимся в последние годы причинам эта связь всячески скрывалась, поскольку могла поставить завод на грань разорения.

Начиналась история, однако, достаточно весело и даже помпезно в две тысячи седьмом году. С шампанским, салютом и цветами.

5

Бизнес к тому времени рос уверенными темпами. Появились свободные деньги, которые требовали вложения в будущее, а будущее должно быть обязательно великим. Иллюзии, вызванные невероятными, безграничными возможностями тех лет, кружили голову и представлялись вполне достижимыми. Партнерам хотелось совершить рывок, выйти на новый уровень, на уровень правительства страны. Туда, где пилят миллиарды, туда, где все возможно. Им, успешным провинциальным деятелям, Москва казалась сонным царством, неспособным устоять перед их напором и энергией. В Москву, в Москву, в Государственную Думу, к огромным деньгам стремились их мечты.

Они решили и проголосовали единогласно за проект «Выборы Безроднова в ГД V созыва». Цель – избраться в Думу и войти в комитет по науке и технике, задача – получить маленький кусочек космических бюджетных средств в виде, допустим, гособоронзаказа для своего завода или НИОКР. Решение этой «программы минимум» обеспечивало, как ожидалось, ребят на всю жизнь. «Программа максимум» – розовое туманное облако возможностей влияния на бюджет государства, от размеров которого захватывает дух и кружится голова.

Все предпосылки в пользу такого решения сложились.

Во-первых, Женька нашел уверенный выход на лидера одной из самых крупных думских фракций; во-вторых, он не числился собственником ООО «БВРК», а аффилированность и конфликт интересов через Meinvent Rubber Production Bureau доказать на тот момент казалось практически невозможным; в-третьих, он планировал избираться по своему родному округу; в-четвертых, он был молод, необыкновенно умен, фантастически удачлив и бесконечно уверен в своих силах, что, впрочем, со временем стало восприниматься партнерами как недостаток. Но пока это достоинство.

Из минусов – только один: цена вопроса. Четыре с половиной миллиона долларов наличными – стоимость входного билета плюс затраты на предвыборную кампанию за свой счет. Часть суммы вытащили из прибыли завода будущих периодов, часть взяли в кредит, якобы на переоборудование, под обеспечение зданиями завода, к тому времени уже выкупленными. Суммы ушли по назначению, агитаторы работали как проклятые, реклама устилала вертикальные поверхности города и области. Сам кандидат в депутаты выступал по местному телевидению и в других СМИ. Говорил зажигательно, по-деловому. Много обещал и блистал знанием местной специфики, за счет чего в конечном итоге победил конкурентов. Необходимо напомнить, что связь Безроднова с фирмой ООО «БВРК» и ее учредителями изначально не афишировалась, поскольку он в момент ее создания уже являлся городским депутатом и выбил ей большой заказ от города. Вместе с тем их общение как однокурсников не являлось большим секретом, но Безроднов общался с огромным количеством всяких других людей. Ездил на дачи, в отпуска и на прочие шашлыки. Теперь же эту связь следовало еще тщательнее скрывать.

Получение депутатского удостоверения широко отметили при большом количестве гостей, нужных и влиятельных людей города. Короткое пребывание в Думе, среди звезд российской политики, эстрады и спорта, на время снесло крышу Безроднову. На том банкете он бесконечно рассказывал, какие там гениальные личности, какие там огромные, неизъяснимые проекты и суммы, какие безграничные возможности, как они все болеют о России и ложатся костями во имя ее процветания и величия. Даже надоел всем. Зрочки его расширились настолько, что заполнили радужную оболочку, и он стал похож на инопланетянина более, чем обычно. Эйфория, к слову, продолжалась около года и сменилась крайней ненавистью и презрением к упомянутым звездам, оказавшимся вдруг тупыми, алчными и беспринципными.

К моменту завершения депутатского срока страна только миновала кризис восьмого года, когда кредиты почти не выдавались и закредитованные предприятия «ложились». Заказы прекращались, продажи падали, людей сокращали. В конце концов предприятие потеряло право собственности на свои здания и платило теперь за них аренду, изъятые прибыли обратились в долги поставщикам, не позволяли своевременно обновлять оборудование и закупать качественное сырье. Великая идея превратилась в постоянную головную боль, связанную с необходимостью выкручиваться, но без надежды на развитие. Созданная Александром заводская структура рано или поздно справилась бы с кризисом, при условии стабильности и невмешательства. Людей и финансы не трогать, такова была его позиция.

Итогом четырех лет во власти стал небольшой госзаказ, долгий и не покрывающий и половины вложенных в проект денег. Вдобавок большое количество призрачных и необъясненных наработок, сулящих, тем не менее, результат. Какой результат – также оставалось загадкой.

И все-таки на повестку дня вынесли новый проект «Выборы Безроднова в ГД VI созыва 2011—2016 гг.». Тут голоса друзей разделились. Волков проголосовал категорически против, скандалил и обидел Безроднова, обвинив в неспособности отбить вложенные огромные суммы, в уничтожении производства, в отрыве от реальности, в фантазерстве и сумасшествии. Обсуждение получилось горячим и рассорило собственников. Главный бухгалтер, Анна Вениаминовна, всегда присутствовавшая на собраниях акционеров в качестве секретаря, не понимала, как вести протокол. Основные смысловые выражения не могли быть напечатаны в протоколе, поскольку сплошь оказывались непечатными. Ее трясло от страха и ощущения бессилия перед поставленной задачей. Результат встречи решил голос миноритария Титова, который вдруг ощутил свою значимость и согласился рискнуть при условии, что больше из бизнеса денег вынимать не будут. Как будто было что вынимать!

В этой связи необходимо упомянуть о пошатнувшихся связях Безроднова в партии. Теперь ему предложили другой округ, в котором наиболее сильны были позиции коммунистов и единороссов и где шансы избраться представлялись сомнительными. Его же родной округ отдали другому депутату. Плоды огромной политической и организационной работы Евгения в городе и области доставались, таким образом, более нужному партийной верхушке человеку. Делать было нечего, он принял предложение мордатого лидера и включился в гонку.

Теперь входной билет стоил уже семь миллионов долларов, и затраты на предвыборную кампанию удвоились. Чтобы собрать требуемую сумму, Безроднов привлек под личные гарантии частных инвесторов, в основном московских, среди которых оказалось много криминальных персонажей и персонажей, связанных с криминалом так или иначе. Его абсолютный дар убеждения, невероятная энергия и активность, обещания дивидендов с имеющихся наработок и обещания лоббирования всего подряд, что скажут, нашли понимание, и сумма собралась. К сожалению, многое из обещанного Женей оказалось нереалистичным.

Деньги партии он отдал, но выборы проиграл. К долгу за первый срок добавился новый.

Пришло время объясняться с людьми, но никто уже объяснения не воспринимал. Все требовали денег. Посыпались угрозы обращения в суд от тех, кто получал нотариальные расписки, и угрозы жизни от тех, кто опирался на понятия. Последние угрожали не только Безроднову, но и его семье. Он скрывался, его искали. Чтобы долг не перевесили на завод, ребята перестали открыто общаться и обнаруживать какую-либо связь бывшего яркого депутата с делами резинового производства. Начались проверки, в том числе и налоговые, подключались дополнительные ресурсы. Судебные приставы несколько раз пытались что-то арестовать на заводе в счет погашения долгов, но Титов отбивался и откупался.

Все смертельно устали, перессорились, возненавидели друг друга. Безроднова ненавидели оба, Титов и Волков, за авантюризм, бездарность и безответственность. Волков ненавидел Титова за последнее голосование, а Безроднов – за отказ помогать деньгами даже на корот-

кий срок. За что Титов ненавидел друзей, мы уже говорили. Вот такая диспозиция сложилась на момент появления в жизни Александра Титова ветерана локальных конфликтов Михаила. Нужен был какой-то выход, решение клубка проблем. Гордиев узел требовал македонского решения.

Это решение, вернее его элемент, Титов рассматривал сейчас, сидя за рабочим столом. Фото, густо покрытое отпечатками Волкова и образцами его почерка, припрятанное с прошлой пятницы, он аккуратно вырезал из листа А4. Осталось его разделить и часть с изображением бывшего депутата передать по назначению. А вторую часть?

Вторая часть просилась быть подброшенной Волкову, этому божьему человеку. Операция неожиданно обрела четкую логическую форму. Сомнения отступили, их место заняли уверенность и азарт. Он надел рабочие х/б перчатки, напечатал на листке адрес, по которому проживал с семьей Безроднов, вынул из стола деньги и вложил это все, включая кусочек фото, в прозрачный файл. Свернул посылку, всунул ее в одну из перчаток, другой перчаткой накрыл и убрал сверток в портфель. Всё! Осталось сделать закладку и уведомить исполнителя. Сегодня, после работы. Именно сегодня!

Титов откинулся на спинку кресла и ощутил подкатившую тошноту. Страшно, невероятно страшно. Может быть, он еще не готов? А когда? Когда долги Безроднова упадут на фирму и похоронят ее? Это обязательно произойдет. Они найдут его рано или поздно, и он отдаст всё. Он сам напросился, и Волков тоже.

С обрезком фотографии в кармане Александр пошел в лабораторию Волкова, не зная точно, сможет подбросить фото или нет, хочет он этого или не хочет. С того дня, когда Волков притащил Семигина, по нынешний вторник Титов трудно обдумывал свой шаг. Он решил действовать по обстоятельствам, от ситуации. Пусть судьба сама распорядится.

– Олег, – зашумел он с порога. – Какого ты врываешься с клиентом без предупреждения? Трудно позвонить было? Такие серьезные вопросы вот так вот не решаются на ходу! Что? Я не прав?

– Ты о чем это?

– Об этом твоём Семигине в прошлую пятницу. Вломился без предупреждения...

– Что-то ты долго соображал, Саша. Я уже забыть успел. Так, что тебя не устраивает? – спокойно отвечал Волков, не отрываясь от микроскопа. – Я несколько занят сейчас.

– Не устраивает твоя манера общения со мной в присутствии третьих лиц, – заводился Титов от спокойствия своего друга. – Я генеральный директор, и в рабочее время прошу соблюдать субординацию. При необходимости встречи – звонить, при посторонних – на «вы».

– Это очень мило, – отвечал Волков, оторвавшись от работы и наливаясь бешенством. – Тебе приводят дилера со связями, а ты еще ругаешься! Это твоя работа развивать бизнес. Твоя! Не забыл? Мое дело – наука, но я беспокоюсь за дело, а не смотрю в окошко целыми днями. Сколько ты клиентов привел за последние полгода? Одного, который уже ушел? И всё? У тебя целый отдел продажами занимается, все зарплату получают, а о развитии должен Волков переживать. Молодцы! Сидите, оформляете отгрузки, и все нормально у вас. Так сейчас не работают, Саша, так сейчас умирают. Думаешь, ты тут незаменимый, особо ценный и можешь что-то требовать? Всем вам, менеджерам, с партийным членом и без, надо напоминать ваше место.

Олег устался в компьютер и открыл какую-то таблицу. Потом вскочил и схватил колбу с какой-то грязью, потряс ее, поставил на место, снова прилип к микроскопу, не в силах выносить дальше присутствие Титова возле себя.

– Знаешь что? – попытался спорить Александр.

– Знаю! Тут все держится на моих патентах, вся технология выстроена мной. Это я точно знаю. А управленцев можно набрать и новых, особенно сейчас. Они толпами ходят, с эМБиЭй, бесконечным опытом работы и мощнейшей мотивацией. Можете оба гулять! Вот так вот, Саша! Имей в виду, когда в следующий раз осерчаешь и потянет на разборки. Всё! Пока! Я занят.

Дрожащими руками Титов извлек, осторожно держа за торцы, обрезок фотографии и вложил в нагрудный карман висящего в углу на гвозде старого халата. Этот халат пылился тут неизвестно сколько лет. Олег не разрешал его выкидывать или даже прикасаться к нему, поскольку именно в этом халате он когда-то давно встречал Безроднова и после этой встречи все и началось. Изредка, когда вдохновение не шло, Волков напяливал его на себя и ждал озарения, закатив глаза и поминутно чихая.

– Да пошел ты! – огрызнулся Титов, но Олег не ответил, источая спиной презрение, подергивая плечами и громко сопя.

Демонстративно хлопнув дверью, Александр выскочил из лаборатории и чуть не снес несколько сотрудников, возвращающихся с обеденного перерыва.

«Посмотрим, посмотрим, – бормотал он про себя. – Поглядим, кто ценный, а кого уже учили. Скотина такая, посмотрите вы на него!» Решимость его окончательно укрепилась, он не мог дожидаться вечера, когда начнет реализовывать свой план.

6

Впервые в жизни Александр пожалел о наступлении весны. День неумолимо увеличивался, мешая делу, которое требовало темноты. Он припарковался на улице Проектируемый тупик возле дома семь и пешком медленно пошел к дому одиннадцать, определяя место для тайника. Ничего подходящего. Тогда он решил работать без тайников.

Титов обошел кругом одиннадцатый дом в поисках заклеенных газетами окон. Вот они. Он перешагнул через низкий заборчик заросшего высокими острыми кустами палисадника, подошел к одному из окон, которое, как он рассчитал, выходило из кухни, и тихо постучал в стекло. Никого. Он снова постучал, уже сильнее. Огляделся – к счастью, вокруг людей не наблюдалось. Когда он вновь повернулся к окну, на него поверх газет таращились испуганные глаза Михаила. Узнав Титова, тот заулыбался, ощерив страшные черные зубы. Титов показал сверток, потом поднес к окну листок, на котором было написано: «Иди за мной на расстоянии». Михаил пригляделся, медленно прочитал, закивал, сделал жест рукой: «Понял» – и пропал в темноте квартиры. Александр устроился напротив дома через дорогу и стал ждать. Похоже, женщины у подъезда его не заметили, а прохожие не обращали внимания.

Минут через десять появился Михаил. Перебросившись какими-то фразами с сидящими на лавке, он медленно двинулся в направлении Титова. Он все делал правильно. Держался на значительном расстоянии, но не упускал из виду. Выбрав момент, когда улица опустела, Титов демонстративно положил спрятанный в перчатки сверток в урну и продолжил движение. Он видел, как Михаил достал сверток, освободил его от перчаток, запихнул за пазуху, перчатки зачем-то надел, развернулся в обратную сторону и вскинул вверх правую руку с растопыренными пальцами, что, должно быть, означало: «Всё понял, всё будет сделано».

«Вот и пошло дело, до собрания он должен успеть, – подумал Титов, испытывая одновременно радость от удачно проведенной передачи и тревогу от связанных с операцией рисков. – Тогда на меня не подумают. Эх! Закрутилось-завертелось. Лишь бы самого не затянуло в этот смерч. Михаил, по-видимому, принадлежит к категории людей, их называют „пена“, которые не могут нормально жить в мирное время. Они могут жить только на войне, рискуя жизнью, вечные авантюристы без образования и моральных ценностей. Такая пена всплывает, если в государстве неразбериха и безвластие, как в девяностых, а сейчас они где-нибудь среди

наемников в горячих точках или тихо спиваются. Определенно, у него проблемы с законом и в полицию он не пойдет. То он Миша, то вдруг Саша. Другой вопрос, выполнит ли заказ? Шансы – пятьдесят на пятьдесят. Выполнит – хорошо, нет – не беда. Будем надеяться, что я в нем не ошибся».

С данной минуты оставшаяся жизнь бывшего депутата измерялась днями, и таймер запустил он, Александр Титов, своей волей в соответствии с собственным интересом. Раньше ему казалось, что, совершив этот акт, он почувствует себя богом, вершителем судеб. Ничего похожего. Просто работа, смешанная с грустью об утраченном, но подкрепленная пониманием необходимости, неизбежности сделанного шага. Никакого удовлетворения. Грустно и пусто.

Когда Титов въехал на свою улицу, уже стемнело. Весь путь он мечтал, как было бы хорошо, если бы сейчас Варьки не было в квартире. Он не хотел с ней встречаться этим вечером. Понятия не имел, как и что ей говорить, и вообще ему хотелось побыть одному до утра, потому что утром, он знал, все будет казаться не таким мерзким. «А ведь это она меня подтолкнула, – вдруг догадался Титов. – Своими постоянными разговорами: „Ты работаешь один за всех, у них дома в Испании, а у нас нет, они ездят на тебе, а ты молчишь, мы никак дачу достроить не можем третий год“. Каждый день, со скандалами и без, пилила, пилила, пилила. Тут не захочешь – кого-нибудь зарежешь или закажешь. Себя, ее или кого еще. Глупо все, – оборвал он себя. – Нашел на кого свалить. Сам этого хотел и нечего на женщину кивать. У нее работа такая – слова говорить. И все-таки видеть ее не могу».

Около дома ему показалось, будто в тени дерева происходит какая-то возня. Двое толкались или боролись. Он запарковался около подъезда, вышел из машины и вдруг увидел, как навстречу ему, мелко семеня, бежит субтильный парень, прижимающий сумку к груди. В левой руке парня он разглядел что-то блестящее, а от того места, где он заметил возню, раздавались истошные женские крики: «Задержите его, сумка, у него моя сумка, держите его!» Парень, стремительно сближаясь, заметил Титова и показал ему нож.

«Наркоманы», – пронеслось в голове Александра, когда он сделал шаг вправо в сторону беглеца и выставил руку предплечьем на уровне его горла. Так их когда-то учили на карате: опереться и делать резкий опережающий выпад навстречу. Он даже успел удивиться, что тело помнит отработанные давным-давно движения. Грабитель наткнулся шеей на руку, как на шлагбаум, проскользил ногами вперед и рухнул на спину, сильно ударившись головой об асфальт. Сумка отлетела на дорогу. Александр подхватил его за левую кисть, вывернул ее, вынул из руки нож и отбросил его в сторону. Потом сильным движением загнул парню руку за спину и крепко прижал его к асфальту. Парень взвыл и попытался вырваться, но затрещали суставы.

– Звони «ноль два», быстро, – крикнул Титов поднимающей свою сумку женщине.

Он уперся коленом в позвоночник грабителя в районе шеи и ловил его свободную руку.

– Пусти, гад, пусти, убью, – шипел тот, когда Александр подхватил его вторую руку. – Больно, ты руку мне сломал.

Он внутренне удивился, какие же слабые у пацана руки, совсем бессильные, да и сам злоумышленник резко выдохся и почти перестал сопротивляться. Теперь он рыдал и пытался разжалобить.

Через несколько минут подъехала патрульная машина, из которой медленно вышли два полицейских в бронежилетах и с автоматами. Они приняли наркомана у Титова, сцепили ему руки впереди наручниками и затолкали в заднюю часть УАЗика. Нож лежал на видном месте, и его убрали в пластиковый пакет. Подошла трясущаяся, обнимающая свою сумочку пострадавшая.

Полицейские записали с паспортов данные Титова и девушки, коротко опросили, сообщили, что на этом человеке, похоже, еще несколько нападений и что он действительно конченный наркоман, и предложили подойти в отдел для дачи показаний завтра или послезавтра.

– Дело ясное, нужно закрывать человека, пока кого-нибудь не зарезал, где-то тут их притон завелся, не можем найти никак, – с сожалением сказал сержант. – Спасибо вам, Александр Михайлович, за смелость. Хотя, конечно, лучше бы вы или девушка сообщили нам по телефону. Мы бы сами его взяли на территории, как положено, с вещдоками, глядишь – кого-то еще зацепили бы. Так безопаснее. Но получилось как получилось. Искренне говорю вам: вы молодец, ждем вас для дачи показаний. И вас, девушка. Отдел на Гагарина знаете? Тут рядом. Вот и хорошо. Дадите показания следователю, это не долго, дело-то очевидное. Если забудете, вам позвонят, теперь вы обязаны прибыть в рамках расследования. Гражданский долг, так сказать. Удачи вам.

В лифте Александр подумал, что, наверное, искупил что-то своим поступком. Компенсировал злодеяние подвигом. Он грустно усмехнулся: «Может быть, лучше, чтобы он меня зарезал насмерть. По горлу резко, и всё. Пал смертью храбрых. Чтоб не мучиться. Почетно и назидательно. Однако поздно, заказ размещен».

Кабина остановилась на девятом этаже. Приехал. Домой идти не хотелось до тошноты.

– Я все видела в окно, Сань, – возбужденно суежилась Варвара. – А что там было? Ты преступника задержал? На тебя напали? Сашка! Я и подумать не могла, какой ты. Слышу крики: «Караул, грабят!» – а тебя нет. Выснулась в окно – вижу, какая-то свалка, потом полиция с мигалкой, гляжу – ты. Санечка, расскажи скорее. Весь подъезд вывесился в окна. Ты не ранен? Слава Богу! Я так волновалась, мог бы позвонить, что всё нормально. Костюм испортил, но ладно, главное – сам цел. Рассказывай скорее. А что за коза там? Твоя знакомая? Нет? А я, главное, смотрю на часы, что-то задерживаешься. Волнуюсь. Тебя полиция записала? Да? Теперь затаскают. К ним попадешь – не вырвешься, еще и виноватым сделают. Это у них нормально: кто вызвал, того и сажают, чтоб далеко не ходить и экономить деньги налогоплательщиков. Так кто на кого напал? Обалдеть! Возможно, про тебя по телевизору расскажут в криминальной хронике. Пример для подражания – «Если бы все были такими, как мой Санечка, жизнь в городе стала бы безопаснее!» С ума сойти! Могут, кстати, и к награде представить, сейчас это тренд патриотического воспитания. И у меня интервью возьмут, как у жены. Прикольно, да?

Выслушав рассказ, Варвара с гордостью посмотрела на мужа.

Весь вечер она подчеркнуто внимательно обслуживала его, покормила и уложила спать. Засыпая, Титов слышал, как жена позвонила своей маме и пересказывала приключение этого вечера. Рассказ получился длинным, гораздо длиннее самого происшествия, и Александр уснул, так и не дождавшись окончания. В его тревожном сне перемешались наркоман и Михаил, полиция, фотография, грамота от начальника УВД. Мозг, напоминавший кипящий чайник, выдавал удивительные комбинации, переставляя людей и события местами. То он свалил Михаила, то наркоман скрутил его самого.

На другой день, в свой обеденный перерыв, Александр подъехал в полицию. Дежурный, записав в журнал фамилию, пропустил его в отдел и подсказал номер кабинета на втором этаже. Следователь Токарев Николай Иванович занимался данным происшествием.

Титов приблизился к двери кабинета с чувством победителя, который пришел за орденом. Вид имел скромный, но торжественный, готовый к похвале и восхищению. Он даже слова приготовил: «Не стоит, любой мужчина поступил бы так на моем месте. Невозможно пройти мимо, когда обижают женщину». И прочее в этом роде, если дадут сказать.

Кабинет разочаровал – маленькая, пыльная, захламленная комнатка площадью метров десять, с окном, двумя рабочими столами, двумя сейфами, нечистым электрочайником и горами запыленных папок на всех пригодных для складывания местах. Сам Николай Иванович оказался почти полностью седым человеком на вид лет под пятьдесят, с усталыми глазами, в помятом костюме без галстука.

– Очень хорошо, что сразу пришли, – нерадостно начал он работу. – Дело ясное на первый взгляд, но формальностей не избежать. Присаживайтесь. Итак: ваши фамилия, имя, отчество, год рождения, место постоянной регистрации, место работы.

– Титов Александр Михайлович, семьдесят первого года, Строителей, дом восемь. Генеральный директор ООО «БВРК», женат, детей нет пока, образование высшее. Номера телефонов запишите. Вот мой паспорт, вот ксерокопия с него, специально для вас сделал.

– Благодарю вас. Очень хорошо, предупредительно! Рассказывайте, как дело было.

Поняв, что хвалить его не будут, Титов сдулся и обмяк.

– Двенадцатого апреля сего года, во вторник, я возвращался домой с работы, припарковал у подъезда машину.

– По Строителей, восемь?

– Естественно.

– Хорошо. В котором часу?

Титов вздрогнул. Он не следил в тот вечер за временем. И вообще, с этим героизмом даже не продумал ответы на стандартные вопросы. Непростительная халатность! Итак. С работы ушел примерно в шесть – шесть десять, потом дорога минут десять, с Михаилом минут тридцать, потом домой минут пять от силы.

– Около семи, наверное. Без пяти, скорее всего, я на часы не смотрел, сами понимаете.

– Понимаю. А вот вызов поступил в половине восьмого.

«Неужели я час провозился? – удивился Александр. – Вдруг начнут выяснять, где я был? Да зачем им, дело-то ясное».

– Значит, в половине восьмого. Должно быть, на работе задержался. Да, я не сразу поехал, прогрелся пока, стекло отчищал. Это важно так?

– Пока не знаю, Александр Михайлович, но должно быть точно. Ладно, припарковались. Дальше что? – следователь размашистым неразборчивым почерком вел протокол.

– Дальше, – начал раздражаться Титов. – Вышел. Слышу крики: «Помогите, ограбили», что-то в этом роде.

– Кто кричал?

– Девушка кричала, Маша вроде ее зовут, потерпевшая, она свои данные сержанту называла.

– Вы уверены, что именно она кричала? Вы это точно видели?

– Ну, там, конечно, темно было. Крики шли с ее стороны, а больше рядом никого не было.

– Не было или вы не видели?

– «Не было, не видели». Что вы цепляетесь к словам. Ну, не видел!

– Вы не злитесь, Александр Михайлович. Поймите, все должно быть точно. Если «видел», то именно видел или слышал. Если «кажется» – то другое дело: предполагаю, значит. Закон требует точности, особенно когда дело касается человеческой судьбы. Потом, знаете, адвокат на суде все эти «кажется» вывернет как оговор, опровергнет и развалит дело. Хорошо? Продолжайте.

– Попробую продолжать, только, знаете, совсем не такого я ожидал от вас. В каком-то смысле я сделал работу полиции – поймал грабителя и передал властям, а вместо благодарности – допрос. Пробежал бы он мимо и кого-нибудь своим ножиком пырнул. Я, рискуя здоровьем, сохранил кому-то жизнь. В другой раз подумаешь: вступаться или пусть убивают, насилюют, грабят. Пусть? Моя хата с краю?

– Александр Михайлович, думать никогда не вредно, а про героизм потом поговорим. Есть порядок. Рассказывайте, что дальше происходило.

– Я увидел бегущего на меня парня лет двадцати. В левой руке он держал нож, я отлично его разглядел, в правой – сумку, предположительно принадлежащую девушке Марии, предположительно пострадавшей, кстати, только предположительно девушке, я ж не гинеколог, сами понимаете.

– Быстро учитесь, – усмехнулся Токарев. – Но все-таки не перебарщивайте.

– Хорошо, не буду перебарщивать. Как скажете. Скажете «перебарщивай» – начну перебарщивать, скажете «не перебарщивай» – буду недобарщивать. Короче, я принял решение задержать предположительно молодого человека и, когда он поравнялся со мной, повалил его на землю. Нож, который он держал в руке, отбросил в сторону. Девушка вызвала полицию, это она сама сказала позже. Ну а дальше приехала патрульная машина, и парня заковали в наручники и заточили в воронок.

– В автомобиль ППС.

– Вот именно.

– Вы его били?

– Нет, конечно. Этого и не требовалось, он почти не сопротивлялся. Я схватил его и прижал к тротуару. Руки, естественно завел назад. Опять же его нож рядом валялся.

– Хорошо, хорошо. Что дальше было?

– Я же ответил уже. Через минуты три подъехал патруль. Кстати, быстро подъехали, я удивился даже. Переписали наши с девушкой данные, расспросили о происшедшем, поблагодарили, погрузили парня и уехали. Всё. Больше, товарищ следователь, мне по этому делу сообщить нечего. Спрашивайте, если что-то требует уточнения.

– Свидетели были? Вы кого-то можете назвать?

– Свидетели? Нет, я никого не видел. Не могу назвать.

– Не торопитесь, подумайте.

– Точно не было никого.

– Понятно, так и запишем: свидетелей не видели.

– Так и запишите, товарищ следователь.

Токарев дописал последние слова в протокол, положил ручку и с любопытством оглядел Титова.

– А вот скажите, не для протокола, что побудило вас кинуться на человека, имеющего нож, который в принципе на вас не нападал? Бежал по своим делам мимо.

– А девушка? Она же зывала о помощи, он сумку вырвал у нее.

– Про девушку я помню. Вопрос мой вот в чем: благородные рыцари – они в жизни большая редкость. В кино или книгах – другое дело, но в реальности почти никто никогда не заступает на улице, а если кто-то ввязывается в разборки, то либо пьяный или спортсмен, военный, полицейский. Я знаю, о чем говорю, больше двадцати лет в органах. Нормальный человек всегда проходит мимо, пробегает. Наверное, он страдает в душе некоторое время, но целая физиономия, сохранившаяся одежда, а может быть, и жизнь – достойная компенсация за муки совести. Здравый смысл и чувство самосохранения удерживают трезвого человека от подобных эксцессов. Может быть, вы выпивали в тот день?

– Ах, вот оно что! Вот вы куда ведете. Разочарую – я был трезв. Утверждаю и могу пройти освидетельствование.

– Охотно верю, к тому же патрульные признаков опьянения не обнаружили, как следует из их объяснений, – Токарев вдумчиво смотрел Титову в глаза несколько секунд, пока тот не заерзал на стуле. – Тем более странно. Видите ли, к такому поступку должно что-то подтолкнуть. Из ваших слов следует, что человек был вооружен ножом, значит, риск получить смертельную рану вы осознавали – и все-таки схватили его.

– Мне показалось, он не сможет применить нож, не успеет, хотя кто его знает на самом деле.

– В том-то и дело. Мое мнение, если угодно – моя теория, заключается в предположении о некоем внутреннем, латентном стремлении к смерти в результате чего-то очень плохого, совершенного героем. Человек допускает, например, огромную подлость, страдает и приходит подсознательно к желанию самоубийства. Именно подсознательно. Тогда появляется безотчетная, отчаянная храбрость, и, если случай совершить нечто на грани самоубийства не подворачивается, он сам провоцирует подобную ситуацию, чем, кстати, часто только умножает страдания. Своего рода искупление, реабилитация в собственных глазах. Или подвиг, или раны, или даже смерть.

– Вы научную статью пишете по психологии преступника? – растерянно парировал Титов. – А я типа подопытной крысы?

– Пишу, лет уже пять, для журнала «На страже порядка и законности». Фактического материала не хватает. Кстати, вы употребили выражение «подопытная крыса», хотя чаще говорят «подопытный кролик». «Крыса» только подтверждает мои выводы о самоуничтожении. Есть за душой что-то? Может быть, на работе?

– По-моему, вы несколько выходите за рамки своих полномочий, господин следователь.

– Я же предупредил: не для протокола, как товарищи беседуем, не сердитесь.

– Да ладно вам! Нет у меня на совести грехов такого масштаба. Ваша теория здесь не работает. Просто я в молодости много занимался карате и был уверен в своих силах, а девушка нуждалась в помощи. Вот и все мотивы, а вы теорию тут развернули. Я и теперь, между прочим, посещаю спортзал, поддерживаю форму.

– Куда ходите?

– Фитнес-клуб на Кирова.

– Знаю. Элитный, дорогой.

– Не слишком и дорогой, но и я человек не бедный. Рекомендую вам, у меня там скидка есть, могу поделиться.

– Подумаю. Стало быть, ваша совесть чиста, так? Ну что же, на нет и суда нет. Интересно было поговорить с умным человеком. А то у нас, знаете, алкаши сплошные и дегенераты в разработке.

– Другие вопросы есть? Мне на работу пора, бизнес не ждет.

– Пока вроде вопросов больше нет. Подпишите внизу: «Мною прочитано, с моих слов записано верно», фамилия, подпись и дата. Вот здесь и тут еще.

Следователь перечеркнул свободные поля протокола, вложил листки в тоненькую папку, захлопнул ее, отложил в сторону и придвинул к себе другую, толстую.

– Думаю, сегодня этот деятель оклемается к вечеру, – проговорил он, погружаясь в другое преступление. – Допросим и завтра откроем уголовное дело. По предварительным данным – чистое ограбление. Девушка завтра обещала к вечеру подойти. Она должна еще заявление написать. Потом постановление. Бюрократия, одним словом, но иначе никак. Ладно, спасибо за оперативность. Я позвоню вам, когда прийти еще. Практика показывает, что могут потребоваться дополнительные сведения, так что настраивайтесь на несколько встреч. Правосудие, сами понимаете, процедуры, экспертизы, опрос свидетелей. Следствие, одним словом. Потом еще суд, вы же свидетель. Это только преступления быстро готовятся и совершаются, а следствие – штука долгая, кропотливая. Поэтому мы их в конце концов и ловим. До свидания.

Токарев поднял трубку телефона, набрал короткий номер и произнес: «Федоров? Сережа, заводи через пять минут, да вот еще что...» Поймав на себе растерянный взгляд Титова, Токарев сделал движение рукой: мол, «свободен, что стоишь» – и продолжил разговор с невидимым собеседником.

«Вот так жук этот Токарев. Кто бы мог подумать, чуть на признание меня не раскрутил. В какой-то момент показалось: еще чуть-чуть нажмет на совесть, и я сам все расскажу, чтобы предотвратить убийство. Мурашки по спине. Жуть! Права Варька, замордуют теперь, – горевал Титов по пути в офис. После допроса у него развеялось впечатление собственной неуязвимости и интеллектуальном превосходстве. – Вот же, как все сложно. Знаю точно – не виноват, правда на моей стороне, наоборот, девушку защитил, грабителя задержал, а выходишь из конторы – и тошно на душе. С другой стороны, может быть, всё и не зря. Когда моя акция начнется, наверняка и ко мне вопросы возникнут. Пусть, такая тренировка вовсе не лишняя. Нужно быть готовым отвечать четко и не сбиваться. Ладно, поезжу к Токареву, поговорю, оботрусь. В принципе, чем чаще я там буду, тем легче мне потом общаться. Они все-таки не такие дураки, как я думал. Этот Николай Иванович, видно, опытный следак, психолог, вон как за словом цепляется, теории выводит. Ничего, нормально всё. Что ни делается, всё к лучшему. Черт с ними, разберусь. Вот что мне с Семигиным делать – проблема».

Было что-то опасное в фигуре нового компаньона, но что?

7

Настораживал странный стиль работы Семигина. Формально он являлся начальником отдела по работе с клиентами московского торгового дома. Это формально, а фактически Виктор Юрьевич представлял собой передатчик. Он сам ничего практически не говорил, ничего не обещал и, видимо, ни в чем не разбирался. Вопросы к Титову строго зачитывал с бумажки, собирал информацию и на следующий день доводил свое мнение. Получая вопросы, он отвечал: «Мне нужно подумать, вникнуть, посоветоваться, тут все непросто, документы отправляйте на почту», фиксировал вопрос в ежедневнике. Был как-то чрезвычайно зажат и, казалось, запуган. Вместе с тем много времени проводил на заводе, много перемещался, и его часто можно было видеть в КБ, в отделе продаж, в лаборатории, в цехах. Причем в лаборатории он вел длинные разговоры с Волковым, который полюбил всей душой Семигина, видимо назло Титову. Удивительный энтузиазм для дилетанта. На контакт с Александром он не шел, тем, за исключением производственных, не поддерживал. Самое же занятное то, что он не казался заинтересованным в результате работы.

Тем не менее работа шла согласно утвержденному графику. Инженеры делали фотографии и описания изделий, юристы и бухгалтерия согласовывали договор, начальник отдела продаж вела финансовое согласование. Контролировал работы Титов лично. К нему в кабинет то выстраивалась очередь, то все вместе вваливались для решения общего вопроса. Настроение команды выглядело крайне настороженным. Все боялись Москвы. Говорили: «Сожрет и не поморщится. Все наши секреты и рецепты узнают – и привет». Однако решение совета директоров – закон.

Надо сказать, что в целом сделка выглядела достаточно привлекательной. Москвичи обещали на пятьдесят процентов увеличить продажи завода. Требовался переход на работу в две смены, увеличение закупок сырья, набор персонала. За хороший дисконт клиенты обещали предоплату на квартал вперед, позволяя, таким образом, безболезненно преодолеть нехватку оборотных средств, погасить просроченную кредиторку и вообще – жить. На следующей неделе Титов планировал командировку в Москву для ознакомления с контрагентом лично и персонально.

В обеденный перерыв, когда секретарша обычно перекрывала доступ в кабинет генерального для посетителей и жестко фильтровала звонки, в дверь кто-то робко постучал. Титов не успел отозваться, как в проеме появилась голова Волкова.

– Привет, Саша, – виновато проговорил Олег и робко вошел. – Извини, что в обед тебя беспокою, нужно поговорить.

– Здравствуй, Олег. Давай без церемоний. Что-то случилось? – Титов поднялся и пошел навстречу компаньону. «Извиняться пришел, – подумал он, испытывая некоторые терзания за подброшенную фотографию. – Совесть замучила». Жалости, тем не менее, он в себе не заметил.

– Ты в курсе, Женька собирает нас в воскресенье?

– Он мне не звонил еще. Послезавтра? Он же на конец месяца планировал... – занервничал Титов. – Проблемы какие-то?

– Не сказал. Говорит, на собрании все объяснит.

– А где?

– В «Острове». Наше любимое место. Он приглашает нас с тобой на два часа, а семьи на пять. Пикник такой, на обочине жизни.

– Странно, что мне не позвонил.

– Позвонит еще. Ты жену возьмешь?

– Ну, а чего? Конечно. Что ж он все не по-человечески организывает-то?

– Тебе не все равно? Я вот думаю: брать семью или нет? Хочется, конечно, вывезти на природу. Дашке полезно. Но как-то... Большая она уже, доченька моя.

Волков замолчал, отвернулся к окну, и глаза его увлажнились.

К сожалению, лечение дочери, несмотря на огромные деньги, приносило мало пользы. Девочка несколько отставала в развитии, практически ничего не знала из того, что знают девочки в ее возрасте, обучение проходила заочно по специальной программе для аутистов. В свои восемнадцать она по развитию едва дотягивала до пятнадцати. Прогнозы врачей неутешительные – это не лечится в принципе, она навсегда останется странной, не способной строить жизнь самостоятельно, но некоторый прогресс будет. Рекомендации – продолжать лечение, платить и не скупиться. Сама из дома Даша выходила не дальше двора. Гуляла сидя на скамейке с книгой. Дополнительные трудности из последних – начавшееся половое созревание оказывало свое специфическое влияние.

– Говорят, природа отдыхает на детях гениев, – промокнув глаза платком, продолжал Волков. – Я, конечно, не гений, способности некоторые есть. Доктор наук, опять же, – он засопел. – Знаешь, я отказался бы от всего: от науки, от способностей этих, от денег, – лишь бы Дашка была просто нормальной девочкой. Такой, как все, не надо больше. Знаешь, Саш, мы, здоровые люди, мучаемся всякой ерундой, мечтаем о чем-то, а кому-то нужно просто быть нормальным. Чтобы ножки ходили, ручки двигались. Эти детки ни о чем больше не мечтают, как о том, чтобы побегать с другими ребятами во дворе, просто побегать, мяч погонять. Вот и все их счастье. Нам этого не понять, нам денег давай, власти, роскоши. Поэтому мы и несчастные всю жизнь, что счастье свое видеть не умеем. Бог нам, дуракам, показывает примеры, а мы не понимаем. Помнишь меня в институте?

– Такое не забудешь, Олежка!

– Вот-вот. А зачем оно все было? Не знаешь? И я сейчас не знаю. Стыдно мне теперь, хочешь верь, хочешь не верь. Словно Бог меня за заносчивость и глупость унизил, раз я слепой. Дашенька моя! В чем она-то виновата? Или это хромосомы мои, будь они неладны, – он снова вытер слезы. – Самое ужасное, что ничего сделать нельзя, исправить нельзя. Живи и смотри, пока сердце выдерживает, а там... – он махнул рукой. – Сил нет, тяжело! Работа только и отвлекает на время, но дома... – он замолчал на минуту, потом продолжил: – Сань, ты не сердись на меня за тот разговор. Я совсем так не думаю. Ты много делаешь для фирмы и для нас, а получаешь мало. Я это вижу и знаю. По-честному, тебе впору на нас собак спускать. Но ты молчишь. Дал слово и терпишь. Ценю твое благородство, я бы так не смог. Женька сказал, что на нашей встрече сделает предложение, которое воздаст тебе по заслугам. Наконец-то. Думаю, ты будешь доволен.

Титов молчал, глядя на слезливого друга.

– Так как думаешь, брать мне девчонок моих? Там Женькины дети будут, смогут они правильно среагировать? Ты не думай, Дашка не имбецил, просто она живет в каком-то своем мире, где свой порядок и свои ценности. Она много читает. Когда ее разговоришь на интересующую ее тему, она, оказывается, знает столько, что удивишься. Мистикой увлекается, пророчествами. Сейчас вот медицину сама изучает зачем-то. Со стороны это выглядит дико, дети таких отклонений не прощают. Наверное, не стоит ее брать.

– Обязательно бери. Обязательно! Не смей комплексовать! Все всё поймут, не скоты же мы, в самом деле!

– Спасибо тебе, Саша. Пошел я.

Волков резко оборвал разговор, поднялся, как-то по-стариковски сторбившись, шаркая ногами направился к двери, открыл ее и, не оборачиваясь, вышел. Глядя ему вслед, Александр усомнился в целесообразности своих отвратительных планов и решил при случае изъять из халата Волкова ту фотографию. Принятое новое решение воодушевило Титова, принесло ему облегчение, но все досконально обдумать он собрался после встречи со следователем.

Обед тем временем закончился.

Работа кипела, когда ему позвонил Токарев и пригласил в отдел для уточнения «кюе-каких деталей». Титов закончил дела пораньше и приехал в отдел.

Токарев выглядел еще более уставшим и озабоченным, даже как будто опухшим.

– Здравствуйте, Николай Иванович! Рад вас видеть в добром здравии, хорошо выглядите! Какие такие детали мне следует уточнить? Я полностью в вашем распоряжении.

– Сегодня вы совсем другой – воплощенная бодрость. Дела на работе хорошо идут?

– Всё-то вы понимаете, как Вольф Мессинг, даже еще хуже. Так что за детали?

– Такое дело, Александр Михайлович, – пряча глаза, начал следователь. – Бывшая потерпевшая отказалась писать заявление, теперь она свидетель. Да-с. Она написала объяснение, из которого следует, что никто ее не грабил. Следов побоев на ней нет, все вещи, документы и деньги при ней. Вот такая загогулина, как говорил один великий человек.

Глядя на отвисшую челюсть Титова, Токарев достал из папки листок.

– Благоволите убедиться. Но это еще не всё. Тот, кого вы схватили, – Изотов Артем Васильевич, студент, отличник, – готовит, заметьте, вместе с лучшим адвокатом города, в настоящий момент заявление против вас. Со дня на день принесет. С его слов, он совершал вечернюю пробежку для тренировки, никого не трогал, и вдруг гражданин Титов напал на него из неизвестных побуждений, нанес телесные повреждения средней тяжести, ударил головой об асфальт и в обморочном состоянии сдал полиции. Побои сняты, в деле есть справка из районной поликлиники от четырнадцатого числа – это серьезный ушиб основания черепа, сотрясение мозга, гематомы на шее, на груди, на спине, на руках, растяжения сухожилий правой и левой рук, глубокое рассечение на лбу. Утратил человек часть здоровья, медицина подтверждает. Страшное дело! Слово под поезд парень попал.

– Позвольте, Изотов – это не сын ли начальника налоговой?

– Он самый, а какое это имеет значение? Перед законом все равны, – Токарев еле заметно усмехнулся.

– Бред какой-то, – начал осознавать положение Титов. – Все же не так совсем было! Ну, вы же понимаете.

– Я, уважаемый Александр Михайлович, много чего понимаю. Но есть факты, и есть отсутствие фактов. В суде принято рассматривать именно факты. Более того, есть свидетель, который четко подтверждает историю в интерпретации Артема Изотова. Буквально до мелочей. А у вас свидетель есть? Нет? В том-то и дело.

– Да чушь это все, они купили всех, я знаю! Я тоже завтра свидетеля приведу, пятерых! Это бомж какой-нибудь, конечно? – Титов переходил на крик.

– Вовсе нет, совсем наоборот, пенсионер, житель вашего дома, заслуженный человек.

– Зацепили на чем-то или купили.

– Не знаю, обратили вы внимание или нет: на двери с обратной стороны бумажка прилеплена. Все разговоры записываются. Вон она, камера, видите? Так что имейте в виду, много чего может использоваться как клевета. Купили, продали – это все бабский треп, извините. Давайте придерживаться фактов.

– Каких фактов? Ну каких?

– Перечисляю. Факт номер один. Нападение на мирно пробегающего трусцой Изотова прямо подтверждается показаниями упомянутого свидетеля, косвенно вашими объяснениями и заявлением самого Изотова, когда он его передаст. Факт номер два. Побой официально зафиксированы только Изотовым, что подтверждает факт нападения на него и избиения.

С каждым фактом Александр словно каменел, не в силах вымолвить ни слова. Он будто попал в зубы тяжелого механизма, который медленно вкручивал его стальными шестернями внутрь себя. Скрипело железо, хрустели кости. Осознание беды отставало от получаемой информации. Холод пробежал по его спине.

– Третий факт. Гражданка Глухих факт нападения на нее, совершенного Изотовым, категорически отрицает, а полицию она вызвала по факту драки, происходящей на ее глазах, чему она и является официальным свидетелем. Заметьте, уже два свидетеля. Причем кто начал драку и как, она не видела, а полицию вызвала, так как является равнодушной гражданкой с твердой жизненной позицией, – Токарев снова улыбнулся. – Побольше бы таких сознательных гражданок. И последний факт, так сказать, интегрирующий все вышеперечисленное. Данное деяние квалифицируется, как умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести из хулиганских побуждений. Пункт «д» части второй статьи сто двенадцатой УК РФ. До пяти лет.

Повисла пауза длиной в минуту. Титова трясло от обиды, от страха, от ощущения полного своего бессилия перед сфальсифицированным делом. Глядя в добрые глаза Токарева, он ждал, что тот сейчас развенчает этот бред и все встанет на свои места, но следователь молчал, щелкая автоматической ручкой.

– Вы могли бы не щелкать? Раздражает!

– Ах, простите. Уже не щелкаю.

– Меня могут посадить на пять лет за то, что я помог женщине вернуть ее имущество и задержал грабителя-наркомана? Я вас правильно понял? Как же это?

– Слова, слова. Мы с вами не можем себе позволить опираться на догадки. Доказательства нужны. Следствие – это прежде всего документы.

– А нож?! – спохватился Титов. – У него же был нож, его сержант забрал. Я видел, он положил его в пакет. Что, скажете – не было никакого ножа? Выкинули улику? Да?

– Улика в деле, не кипятитесь. Нож находится на экспертизе. В этой связи прошу вас сдать отпечатки пальцев. В порядке личной инициативы и в целях ускорения процедуры. Надеюсь, вы не будете возражать.

– Я обязан?

– Пока нет. Пока мы просто беседуем, проясняем обстановку, так сказать. Вы еще даже формально не подозреваемый. Заявления-то от потерпевшего еще нет. Вот когда будет заявление, тогда будет выбрана в отношении вас, как подозреваемого, а может быть, уже и обвиняемого, мера ограничения свободы. Кто знает, что они там напишут? Тогда отпечатки сдать придется в любом случае.

– Обвиняемого? – ужаснулся Титов и закрыл глаза. – Меня посадят в тюрьму?

– Зачем в тюрьму? В СИЗО или под подписку. Закон надо соблюдать. Закон такой есть – о содержании под стражей. Скажите лучше, вы брали нож в руки? Помните?

Титов вспомнил посекундно весь тот вечер. Вот он заламывает руку, отбирает нож, берет его плотно, швыряет на асфальт.

– Да, я его брал в руку, чтобы откинуть подальше.

– Вот и потерпевший упоминает нож, а это уже покушение на убийство вырисовывается. Другая статья и другое наказание. Если там ваши пальчики, то дело приобретает совсем иной оборот. Свидетели, правда, про ножик молчат, но ведь они могут и вспомнить. Да, дела. Ладно, бог с ними, с вашими отпечатками, не будем торопиться.

– Что же мне делать?

– Ничего. Как вы заметили, я протокола не вел. Мы просто беседовали. Задерживать вас пока у меня оснований нет в связи с отсутствием заявления потерпевшего. Надо еще посмотреть, что они там сочинят, если вообще заявление будет. Понимаете меня? Отлично. Прошу вас быть на связи и не выезжать из города. Я вам позвоню. Возможно, всё не так уж и плохо. Многое зависит от вас, от вашего настроения и понимания.

– В смысле?

– Потом, не сейчас. До свидания, уважаемый Александр Михайлович.

Как пьяный, Титов вышел из отдела и сел тут же у подъезда на скамейку. Он согнулся и спрятал лицо в ладони. Катастрофа! И самое ужасное, он ничего уже не может изменить. А если покушение или убийство пришьют? Лет десять?

«Сволочи! Что хотят, то и делают, – бесился он. – Ну как так можно? Взять и засадить честного человека в тюрьму. В тюрьму! А там ворье, унижение, опущенные всякие, грязь, бесправие и произвол. Муки адовы ни за что. Может быть, откупиться? Попробовать деньги предложить? Кому? Начальнику налоговой? Конечно, сообразил! У него денег полно. Он теперь за изувеченного сына мстить начнет. И не запугаешь его ничем: ни телевидением, ни газетами. Никто мне слова сказать не даст, тем более всё против меня, все улики – против, как на заказ. Каким же надо быть идиотом, чтобы самому себе проблем нажить на ровном месте! Сидя в кабинете, легко себя самым умным воображать, а в реальности всё наоборот. Гроссмейстер! Господи, господи! За что?»

Он вскочил в машину и рванул в Проектируемый тупик отменять задание. Скорее, скорее, пока не поздно.

«К черту конспирацию! Плевать на старушек, – Титов быстро приближался к известному подъезду одиннадцатого дома. – Теперь все равно! Раз Безроднов до сих пор жив, значит, работа еще не выполнена. Пусть аванс себе оставляет, пропади оно всё пропадом. Так и скажу ему: „Аванс твой, получки не будет, заказ отменяю, благодарю за понимание, прощай!“ Глупо как-то звучит, ну да ладно. Без разницы. Если отменится задание, то отменю, если нет, то пусть работает. Чего я должен всех жалеть, в самом деле? Я-то чем виноват, что у него ребенок болен?»

Бабушки испугались его блицкрига и откинулись, как по команде, на спинки лавок. Он вбежал по лестнице и сильно постучал в дверь второй квартиры.

– Началось! – услышал он разноголосый комментарий за спиной. – Наконец-то возмездие. ОМОН пришел, слава тебе Господи!

От сотрясения дверь сама приоткрылась. Титов дернул за ручку и вошел в прихожую.

Картина, увиденная им, ввела его в полный ступор. Александр замер на месте и опустил руки. Лоб его покрыла испарина.

8

Вся мизансцена напоминала немое кино в стиле декаданс. На задымленной кухне в полумраке расположились трое истощенных, желтых молодых парня. Один сидел на табуретке, прислонившись спиной к бетонной стене, и внимательно, стеклянными глазами, следил за действиями остальных двух. Двое других молодых людей сосредоточенно и напряженно стояли, склонив головы друг к другу. Тот, что повыше, держал в левой руке столовую ложку, которую подогревал снизу огнем зажигалки. Другой, пониже, поднес к ложке шприц и напоминал кошку, ожидающую мышь возле норы. Они не обратили внимания на стук в дверь и появление Титова, максимально сконцентрировавшись на процессе. Казалось, жидкость в ложке нагревается от их взглядов. Он постеснялся окликать ребят, опасаясь, что от неожиданности они прольют варево и огорчатся.

Один из парней, который со шприцем, напоминал того грабителя с ножом, которого недавно схватил Титов. Александр вынул из кармана смартфон, включил запись видео и навел на компанию, готовый быстро покинуть квартиру в случае агрессии.

Через минуту черная субстанция в ложке запузырилась, закипела, маленький резко опустил иглу в ложку и начал втягивать гадость в шприц. Глаза участников действия засветились сквозь густой табачный чад, они одновременно слотнули. Титов не сглатывал, он старался не пропустить момент. Предполагаемый Изотов-младший повернул шприц иглой вверх и выдал из него воздух.

– Красота, – сказал он тихо. – Хороший цвет. Правильный.

Процесс вступал в завершающую стадию. Титов выключил смартфон и убрал его в карман, кашлянул в кулак и отчетливо спросил:

– Мужики, Миша где?

Сидевший на табуретке подтянул резинку, охватывающую его левую руку выше локтя, и медленно перевел взгляд на Титова. Остальные не среагировали.

– Там, – ответил сидящий и похлопал себя по вене. – Иди туда.

Титов заглянул в санузел, в комнату – пусто.

– Где «там»? – разозлился он. – Ушел куда-то? Когда придет?

К сожалению, больше молодых людей отвлечь оказалось невозможно. Сидевший на табурете уже согнул левую руку и задумался. Высокий с нетерпением перетягивал себя красной резинкой. Ребята зримо уходили глубоко в себя.

Громко выругавшись, Александр вышел из квартиры и вдруг увидел искомого товарища. Он успел обрадоваться, но только на очень короткий миг.

Михаил спускался по лестнице со второго этажа. Вернее, Титову показалось, что спускался. На самом деле он нисходил, почти парил. На одну ступень Михаилу требовалась минута или две. Как в замедленной съемке, он совершал движения предельно осторожно, причем на полусогнутых ногах. Лицо его выражало сосредоточенность и сдержанную радость, словно сейчас он бросит притворяться и побежит за мороженым. Однако он продолжал свое неумолимое движение по лестнице вниз. Титов посчитал количество ступеней – десять. Затратил на них Миша больше десяти минут. На оклики «Эй!» не реагировал. Ни о каком разговоре не могло быть и речи. Достигнув пола, Михаил сел на последней ступени, уткнул подбородок в колени и замер.

– Миша, – Титов грубо потрепал своего исполнителя за плечо.

Тот плавно поднял голову и, глядя мимо Александра окосевшими глазами, умиротворенно улыбнулся, кивнул и закрыл глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.